

ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПСИХОТЕРАПИИ*

А.И.СОСЛАНД

Ключевые слова: психотерапия, психотерапевтическая школа, харизма, идеология.

Несомненно, каждый, кто ориентируется в литературе, посвященной общим вопросам психотерапии, сталкивался с текстами, в которых перечисляются и обосновываются профессиональные требования, предъявляемые психотерапевту.

С одной стороны, речь идет о том, что составляет компетентность терапевта, то есть о вполне естественных претензиях к надежному овладению психотерапевтическим инструментарием – техниками, приемами, теорией. С формальной точки зрения принято удостоверить эту компетентность соответствующими сертификатами, дипломами и свидетельствами. С другой стороны, имеют место также вполне разумные требования к диагностически-экспертной компетентности, то есть к пониманию того, в какой ситуации и как эти методы применять. Клинический психотерапевт, понятно, должен ориентироваться в психиатрической систематике, терапевт-психолог – в проективных тестах и т.д.

Во многих случаях набор образовательных требований этим не ограничивается. Порой к спектру терапевтической компетентности присовокупляется целый ряд гуманитарных знаний. Так, психоаналитическое образование, как известно, по замыслу Фрейда, должно было включать в себя, помимо психиатрии и психологии, такие дисциплины, как история цивилизации, мифология, психология религий, история и литературная критика.

Другой блок требований охватывает морально-этическую сферу. Это касается, в основном, правил, трактующих особенности взаимоотношений

* Публикуемый текст является частью исследования «Как создать свою школу в психотерапии, или фундаментальная структура психотерапевтического метода».

терапевта и клиента в вопросах уплаты гонорара, сохранения врачебной тайны и недопустимости нетерапевтических отношений, в первую очередь, сексуальных.

Можно встретить здесь и другое. Большинство современных авторов считает, что оптимальная терапевтическая подготовка предполагает наличие у терапевта собственного пациентского опыта. Предполагается, что такого рода опыт помогает серьезно понять суть страданий и правильно отнестись к переживаниям пациента, а, главное, приобщиться к тайнам использования метода.

Однако те, кто внимательно следит за психотерапевтической жизнью, обращали внимание на то обстоятельство, что сплошь и рядом серьезный успех имеют терапевты, которые так или иначе не вписываются в общепринятые представления о профессиональной компетентности. В других случаях мы наблюдаем за деятельностью вполне, казалось бы, профессионально адекватной, но понимаем, что этот профессионализм не имеет никакого отношения к исключительному терапевтическому успеху, и дело здесь в чем-то другом.

Чаще всего в таких случаях заводят туманную речь о так называемом «воздействии личности» психотерапевта. Когда же мы ставим перед собой вопрос о специфике этого воздействия, его параметрах, то вразумительный ответ получить здесь довольно сложно. Мы, однако, попытаемся приблизиться к пониманию этой проблемы, и очень важным для нас на этом пути будет обсуждение учения Макса Вебера о харизматическом типе господства в обществе.

М.Вебер, как известно, выделял три типа господства в государстве.

1) Легитимный тип, присущий европейским буржуазным демократиям. В его основе лежит подчинение не определенной личности, но законам, обеспечивающим поддержание порядка и преемственность власти.

2) Традиционный тип господства, присущий, например, феодальным средневековым государствам и основанный на вере не столько в силу закона, сколько в священность существующих с давних пор традиций власти и управления.

3) Харизматический тип, основанный на слепой вере в экстраординарные способности лидера сообщества, на безусловной преданности его воле. Этот тип присущ чаще всего тоталитарным государствам (*Weber, 1966; см. также Гайденок, Давыдов, 1991*).

Сам термин «харизма» заимствован социологами из религиозного обихода. Изначально так назывались дары Святого Духа, излитые им на апостолов. В более широком смысле харизма – это благодать, божественная сила, ниспосланная человеку для преодоления греховности и достижения спасения. Однако М.Вебер, исследуя феномен харизмы в контексте общественной жизни, придал ему несколько другое значение.

Харизматический лидер обладает, по М.Веберу, особыми даро-

ваниями, в частности, пророческими способностями, исключительными волевыми качествами. Среди известных историй харизматических персонажей есть основатели мировых религий – Будда, Моисей и Христос. К ним относятся создатели направлений внутри мировых религий – Лютер и Кальвин, например. С другой стороны, это великие государственные и военные деятели, такие, как Чингисхан или Наполеон. Безусловно, в XX веке среди крупных харизматических персонажей – Гитлер и Муссолини, Ленин и Троцкий, однако также Ганди и Мартин Лютер Кинг. Дело обстоит таким образом, что свойство харизмы относительно безразлично к роду деятельности и морально-этическому содержанию этой деятельности: это с равным успехом может быть и признаваемый святым пророк и человек, ответственный за массовые военные преступления.

Итак, по Веберу, *«харизмой следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям»* (Weber, 1988, p.39).

Здесь мы должны обратить внимание на процитированное определение. Получается, что харизма – качество, благодаря которому человек, ею обладающий, оценивается как одаренный вышеперечисленными свойствами. Однако оценка эта производится только на основании внешних впечатлений, ибо совершенно ясно, что надежная проверка наличия «сверхъестественных, сверхчеловеческих» или даже «специфически особых» свойств, по меньшей мере, крайне затруднительна. Естественно предположить, что в основе харизмы лежит всего лишь умение производить *впечатление обладания* такого рода свойствами. Таким образом, харизматический – это тот, кто может убедить других в том, что он всем этим обладает.

Следует сделать важную оговорку. Нам представляется абсолютно непонятной сложившаяся традиция, согласно которой харизматическими признаются только некие выдающиеся исторические персонажи. В самом определении нет никаких указаний на то, что харизматический – непременно так называемый «великий», речь идет только о некоем умении производить определенное впечатление. Непременное соотнесение харизматической проблематики с так называемым «культом великих людей» – это, на наш взгляд, не более чем дань интеллектуальной моде прошлого века и рубежа XIX-XX веков. Популярные в ту эпоху теории «героя» и «толпы» (М.Штирнер, Т.Карлейль, П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский и др.) на самом деле связаны с концепцией харизмы только на первый, поверхностный взгляд. Одна из наших задач – это демистификация понятия и концепции харизмы, а особенно в том смысле, чтобы освободить ее от совершенно необязательной гигантофилии.

По меткому наблюдению К.Ясперса, психотерапия развивается

сектами, формирующимися вокруг обожествляемого учителя (*Jaspers, 1973, s.685*). Нет никаких сомнений в том, что ситуация рождения и формирования школы в значительной степени всегда связана так или иначе с появлением личности, претендующей на харизматическое влияние. Если не принимать во внимание это исключительно важное обстоятельство, то мы ничего не поймем в истории психотерапии. Дело обстоит так, что некий учитель провозглашает новые, представляющиеся порой революционными, идеи, вокруг которых формируется группа последователей, противостоящая окружению, не приемлющему эту новизну. Эти идеи, разумеется, преподносятся вовсе не как нечто, являющееся следствием интеллектуального произвола автора этих идей. Они, конечно же, появляются в результате якобы долгой практической работы, каковая, безусловно, обнаруживает несостоятельность старых подходов и исключительную благотворность новых. Именно исключительные достоинства этих новых подходов, а также необходимость проводить их в жизнь и защищать от слепо упорствующих сторонников устаревшего определяют пафос ситуации, в которой востребован харизматический герой. Ведь это он способен возглавить борьбу формирующейся вокруг него группы последователей за торжество этих идей. Так называемый же эмпирический опыт является здесь ни чем иным, как доводом в пользу легитимизации этого нового. Ведь проверенные «долговременной практикой», эти идеи к моменту своего оформления не выглядят результатом фантазирования, оторванного от действительности. Они уже доказали свою жизнеспособность и, следовательно, нельзя говорить о них как о плоде честолюбивых фантазий взбалмошного прожектера и хищного охотника за новой клиентурой, как это порой может выглядеть со стороны, особенно – с точки зрения представителей школы, которую скандально покидает «диссидент».

Дело, однако, состоит в том, что почти точно такой же или сходный эмпирический опыт других исследователей приводит к совсем другим, порой прямо противоположным выводам. Но нельзя же, в самом деле, оповещая мир о рождении нового направления, говорить вслух, что важнейшим доводом в пользу новых теорий и методов являются те интересы, которые имеют место в действительности. Речь идет о соображениях, диктуемых стремлением к творческому самовыражению, очерчиванию границы пространства для осуществления собственного идеологического доминирования. Порой здесь задействованы и мотивы личных отношений, складывающихся в «родительской» психотерапевтической школе. Это неизбежно, ибо с завершением образования и инкорпорацией нового терапевта в какую-либо школу он начинает в той или иной степени отождествлять себя с тем, кто школу создал. Но такое отождествление не может всегда и у всех ограничиваться одной лишь только имитацией терапевтической практики, принятой в этой школе, равно как и приверженностью школьной теории. Ведь по-

настоящему с тем, кто создал школу, можно отождествиться, только повторив его «школосозидающее» деяние.

Что касается самой терапевтической ситуации, то здесь, безусловно, существует большой спрос на харизматическую личность, хотя и в несколько другом аспекте. Не секрет, что подавляющее большинство пациентов убеждены (или, во всяком случае, ожидают этого), что психотерапевт не просто несет в себе сумму знаний и навыков, каковые позволяют ему рационально понять суть расстройства и разумно построить ход терапевтического процесса. Он, терапевт, считают они, одарен некими необычными способностями, позволяющими ему с особой силой, не поддающейся рациональному объяснению, влиять на личность и здоровье пациента. «Он *обладает* гипнозом» – приходится часто слышать от пациентов, оценивающих эффективность того или иного гипнотизера. Подчеркнем – именно «обладает», а не «проводит» или, скажем, «делает» это. Здесь для нас важно отметить то обстоятельство, что пациент изначально настроен на это гипотетическое необычное свойство. Правильно сформулированная фраза об «обладании гипнозом» звучала бы приблизительно так: «Он обладает достаточно выраженной харизмой, чтобы эффективно оказывать на нас некое особо благотворное, в том числе и гипнотическое, влияние». Сплошь и рядом приходится видеть, как это пациентское ожидание эксплуатируется теми, кто делает свою ставку именно на видимость таких свойств, не желая объяснять как-либо сущность своего метода. Именно терапевтические гуру удовлетворяют часто спрос на харизматическую личность в психотерапии.

Точно так же нетрудно предположить, что пациент, отправляющийся к психоаналитику, полагает, что тот не просто проведет ему анализ, он этим анализом «владеет», то есть приобщен каким-то образом к некой особой незаурядной мудрости, способствующей его проникновению в скрытые тайны, управляющие жизнью пациента, и это, в конце концов, окажет решающее воздействие на успешный исход терапии. Впрочем, феномен так называемой «веры» больного в исключительные способности врача хорошо известен и специфичен отнюдь не только для психотерапевтической ситуации. Разумеется, дело здесь в том, что признанию наличия особых свойств предшествует их вполне понятное ожидание. Готовность их признать естественным образом задана самой ситуацией. Существуют два основных вектора харизматического влияния: один вектор направлен на учеников и адептов, другой на более широкого потребителя (обывателя-избирателя в социальном контексте и пациента в психотерапевтическом).

В сущности, самое непосредственно-практическое значение харизмы, с точки зрения структуры психотерапевтического действия, в том, что она уже сама по себе предполагает измененное состояние сознания. Как уже говорилось, она основана на «слепой» вере, рационально-критическое оказывается здесь с самого начала приглушенным. Владелец сильной

харизмы как бы заранее «экономит» на столь необходимой в каждом терапевтическом процессе возне с переводом сознания пациента в иное состояние, вызывая обычно зависть у своих скромных коллег, работающих в сдержанно-рутинной манере. Им же остается только ханжески морщиться, когда речь заходит о «трюках» и «фокусах».

Мы видим, таким образом, что в психотерапевтическом мире происходит неизбежный «отбор» харизматических, и этот отбор осуществляется, в первую очередь, самими пациентами. Совершенно ясно, что «риск» появления новых школ и теорий в результате этого отбора неизбежно возрастает. «Отобранные» благодарными пациентами «эффективные» терапевты, естественно, будут стремиться обосновать свой успех теоретически, очерчивая ту идеологическую сферу, в которой они займут господствующее положение. Рано или поздно у успешно работающего терапевта (очень может быть, что и у неуспешного тоже) возникает потребность легитимизировать свои случайные находки и удачи четко сформулированными правилами, закрепить оригинальной терминологией. Кроме того, его авторскую инициативу подталкивает пример других авторов.

В контексте общественной жизни спрос на харизматическую личность всегда или почти всегда сформирован кризисной ситуацией. Если нет кризиса, то, естественно, нет и потребности в лидере, способном в ожесточенной борьбе справляться с трудностями и сплачивать на это дело своих верных. Возвращаясь к психотерапевтической сфере, мы видим, что потенциальные потребители помощи изначально помещены в кризисную ситуацию. В психотерапии спрос на харизму сформирован, получается, двояким образом. С одной стороны, пациент настроен на «по меньшей мере специфически особые свойства», видя в них залог своего спасения, с другой – профессионал озабочен поиском идей и приемов, которые дали бы ему в руки безотказное терапевтическое оружие и помогли бы найти свое место в беспорядочном, ожесточенном конкурентной борьбой и внушающем поэтому тревогу профессиональном мире. Безусловно, многое из того, что мы говорим здесь, носит приблизительный характер, но в общем и целом дело обстоит именно так.

Итак, наше намерение состоит, в первую очередь, в том, чтобы очистить концепцию харизматической личности от «гигантофилических» предрассудков, затемняющих суть этого феномена, а также в том, чтобы вынести понятие харизмы за рамки социально-общественного контекста, рассмотреть всю эту проблематику применительно к психотерапии, где ей, понятное дело, самое место.

Существует еще один предрассудок, имеющий широкое хождение и вносящий неясность в вопрос о природе харизмы. Распространено мнение, что этот феномен является неким врожденным свойством, не дифференцированным ни по степени выраженности, ни по качественным особенностям, и что, таким образом, его невозможно ни выработать, ни

как бы то ни было на него повлиять в смысле углубления, усиления и т.п. Наши соображения по этому поводу сводятся к следующему. Проблема «врожденности» харизмы, природы ее происхождения вообще серьезным исследователем могут рассматриваться только как псевдопроблемы. Конечно же, нет, да и трудно представить себе такие методы, которые позволили бы нам определить будущего харизматического лидера в той или иной сфере. В отличие, например, от музыкальной одаренности, харизматические способности предсказать или, например, протестировать невозможно. Мы исходим из того, что потенциально *харизматическим может считаться любой человек, до тех пор, пока он не докажет обратного.*

Можно, разумеется, предсказать в особо ясных случаях полную неудачу при выборе такого жизненного пути, где востребована харизма, введя в связи с этим в обиход, например, такое понятие, как *харизматическая дебильность*. Но совершенно ясно, что харизматически дебильные вряд ли попадут в поле зрения тех, кто имел бы намерение практически поработать с этой проблемой. Мы не без оснований подозреваем, что множество потенциально вполне харизматических тоже плохо понимают, каковы, собственно, их действительные возможности. Детальные исследования в этой области вполне могли бы привести к описанию некоей *харизматической шкалы*, на одном полюсе которой будет сильно выраженная, всеми признаваемая харизма, в то время как на другом – уже упомянутая «дебильность». Собственно, движение по этой шкале и составляло бы цель возможной практической работы в этой области.

Другая, на наш взгляд, псевдопроблема – вопрос о природе этого свойства. Здесь мы допускаем самый широкий спектр толкований – в зависимости от исходной мировоззренческой позиции человека, занимающегося этим вопросом. Харизму можно рассматривать как некий дар, ниспосланный свыше, как мистическую по своей природе способность проникать в суть дела и оказывать влияние на людей. Это один полюс воображаемого спектра понимания этого явления. Середину его составляют взгляды, толкующие харизму как одаренность, вполне, однако, земного происхождения, иначе говоря, так называемый талант. Эта вполне допустимая точка зрения ставит харизму в один ряд с такими феноменами, как, скажем, литературная или артистическая одаренность. И, наконец, другой полюс могла бы занять несколько экстремистская точка зрения, согласно которой харизма – это приобретаемое посредством тренировки умение, сумма целенаправленно вырабатываемых профессиональных навыков.

Согласно этому подходу (не такому уж, впрочем, и оголтелому, как это может показаться на первый взгляд), нет ничего невероятного в идее, скажем, харизматического тренинга. Такой тренинг, сориентированный на известные параметры харизмы (о них речь пойдет ниже) может и должен

способствовать выработке у личности этого свойства. Мы исходим из того, что, как бы кто ни относился к происхождению харизматических свойств, нет и не может быть никаких противопоказаний к работе с ними, даже в том случае, если считать их иррационально-мистическими по своей природе. Правильное отношение к этому феномену никак не исключает возможности работы с ним с целью его углубления или усовершенствования. Однако преимущество представляемой нами точки зрения заключается в том, что вопрос о работе с харизмой рассматривается как приоритетный, сам же феномен очищается от совершенно ненужных и лишних соображений, которые могут внести только неясность и сумятицу.

Итак, уяснив себе, что харизма не есть свойство, присущее исключительно так называемым «великим», и не является чем-то только врожденным, раз и навсегда данным и неизменяемым, мы можем перейти к обсуждению ее параметров.

* * *

В том, что касается разнообразных аспектов этого дела, мы будем поначалу опираться на исследование И.Шиффера «Charisma» (*I.Schiffer*, 1973). Он рассматривает всю интересующую нас проблематику исключительно в контексте общественной жизни, не касаясь вопросов роли харизматической личности в психотерапии.

Оговоримся заранее, что ни один из перечисляемых аспектов не имеет строго обязательного характера. Все, что будет здесь обсуждаться, в той или иной степени способствует развитию харизмы, но не может считаться безусловно необходимым и вполне достаточным для того, чтобы стать однозначно и абсолютно носителем этого замечательного свойства.

Первый обсуждаемый И.Шиффером аспект – харизма человека со стороны, **charisma of foreigner** (*I.Schiffer*, 1973, p.24). Предполагается, что очень трудно оказывать влияние на людей, среди которых ты вырос, намного легче все это получается у человека, который пришел со стороны к людям, на которых он имеет намерение как-то особым образом повлиять. Тут возможна ссылка на примеры корсиканца Наполеона, француза (чужака в Женеве) Кальвина, грузина Сталина. Понятно, что речь в этой связи может идти вовсе не обязательно о стороннем происхождении в прямом смысле этого слова. Видимо, достаточно наличия хотя бы признаков иного происхождения, чтобы иметь возможность успешно двигаться по харизматическому пути.

Другой важный аспект – харизма неполноценности, **charisma of imperfection** (*ibid.*, p.29). Здесь констатируется вполне очевидное положение, что харизматическая личность крайне нуждается в каком-либо признаке, указывающем на ущербность, болезнь. Очень важно располагать каким-нибудь бросающимся в глаза дефектом, стигмой. Этот признак как бы переводит его обладателя в особое измерение, оказывает

неоднозначное влияние на воображение окружающих. К стигмам можно отнести резко бросающиеся в глаза патологии, скажем, горб, хромоту, заметное родимое пятно. Стигматическими являются также внешне ярко проявляющиеся душевные болезни, причем особое преимущество здесь, понятное дело, у эпилепсии. Тут возможны ссылки на «карлика» Наполеона, одноглазого Моше Даяна, а главным образом, на большое количество великих эпилептиков, например, Петра Великого и того же Наполеона. «Священная болезнь», эпилепсия, особенно наглядно и выпукло демонстрирует глубокую внутреннюю связь патологии и так называемого избранничества. Безусловно, к стигмам относится и неординарно-демонстративное поведение, в котором прочитывается указание на «безумие». Склонность совершать поступки, которых от тебя не ожидают, – это, конечно, «королевская дорога» в измененное состояние сознания (вспомним героя «Бесов» Ставрогина, который кусает за ухо человека в общественном месте). Здесь, собственно, важен внешний аспект «безумия», та его часть, которая зримо явлена постороннему взору, а вовсе не реальное душевное расстройство само по себе. Вообще же нет никаких сомнений, что в психотерапии многое строится на противопоставлении обыденно-рутинного карнавально-праздничному.

Первые два аспекта, выделенные И.Шиффером, служат, в сущности, одной и той же цели, а именно – как-то выделить будущего героя из его окружения, пометить его, подчеркнуть его особость. Повторим, что ни один из них не носит обязательного характера, однако совершенно ясно, что оба признака усиливают общее ощущение необычности и ожидание особых дарований у их обладателя.

Описываемый далее харизматический элемент – «призвание», **calling** (*ibid.*, p.34).

Созревший для своей миссии герой получает свыше прямое приглашение к общественно значимой деятельности, или некий знак, недвусмысленно указывающий ему на его особую миссию. Сакральная традиция, естественно, предполагает, что призвание осуществляется посланцем высших сил или же недвусмысленно толкуемым знамением, от тех же сил исходящим.

К героической деятельности в светской области человек может быть призван и более заурядными побуждающими событиями, в частности, так называемыми инсайтами, то есть как бы неожиданно приходящим ясным пониманием своих задач, своей миссии в духе некоего озарения. Совершенно необязательно, чтобы это озарение носило мгновенный, одномоментный характер. Оно может быть и неоднократным, и растянутым на более длительный срок. Самым важным здесь, надо полагать, является сочетание интеллектуального рецепта разрешения наболевшей проблемы с волевым выбором в смысле готовности к борьбе и жертвам на пути отстаивания своих идей. Мы имеем здесь дело одновременно с формированием идеи и с изменением состояния сознания

носителя этих идей в сторону, скажем так, сужения сознания до размеров, ограниченных границами поля, которое определяется существованием этой идеи.

Не будет большим преувеличением сказать, что призвание, как в сакральной области, так и в светской может осуществляться, во-первых, постепенно, а во-вторых, неоднократно. «Высшие силы» могут навещать и подбадривать своего избранника многократно или исподволь, точно так же потенциальный светский обладатель харизмы может идти к своему решающему прозрению длительно или дробно. Деление на сакральное и светское призвание носит здесь весьма условный характер. Наитие в делах светских любой вправе воспринять как некое мистическое явление, а, с другой стороны, нет ничего невозможного в том, чтобы проинтерпретировать явление посланцев вышней воли во вполне светски-научном (в том числе и психопатологическом) стиле, как если бы речь шла о галлюцинации или о чем-нибудь еще в этом роде. В конце концов, не так уж и важно, как именно мы относимся к событию, в котором совершается это призвание, главное, чтобы такая «встреча с судьбой» состоялась.

Далее следует разобрать исключительно важное, на наш взгляд, обстоятельство, а именно то, что И.Шиффер обозначает как бойцовская позиция харизмы, **the fighting stance of charisma** (*ibid.*, p.37). Важность этого понятна, разумеется, и без пространного комментария. Как уже говорилось выше, харизматическая личность востребована всегда определенной ситуацией, а именно ситуацией кризиса. Понятно, что такая ситуация требует и специфического отношения к ней, и особого типа поведения. Если речь идет, например, о некоей общественной ситуации, когда находящаяся в кризисе группа ищет человека, которому бы она могла делегировать свое стремление к действиям, направленным на выход из тяжелого положения, то, конечно, человек, проявивший инициативу принять на себя такую роль лидера, совершит очень важный шаг к тому, чтобы обрести харизматический статус. Разумеется, любое действие по выходу из кризиса наткнется на сопротивление, будь то враждебное окружение или труднопреодолимые факторы внешней природной среды. Борьба со всем этим и выносит на повестку дня особые способности или, по меньшей мере, их видимость у упомянутого лидера, взвалившего на себя бремя ответственности возглавить движение в сторону преодоления кризиса.

Исключительно важно здесь демонстрировать свое намерение пойти до конца за интересы своей паствы. Такой *экстремальный максимализм* здесь необходим для сохранения лидерских позиций. Дать обогнать себя в готовности перегрызть глотку каждому, кто перейдет дорогу группе людей, которые радостно идут за тобой вслед, – значит упустить свое первенство.

Естественно, что любое поражение на этом пути, любое послабление себе, да, впрочем, и соратникам, крайне отрицательно сказывается на

харизме. Бойцовская позиция предполагает в любом случае определенный радикализм, в то время как колебания, уступки, компромиссы ведут к утере веры в особые качества лидера. В очень хорошем положении находится лидер, который сам диагностирует, описывает, провозглашает и т.д. кризисную ситуацию, прежде чем начать борьбу с ней. В таком случае надо особо позаботиться о том, чтобы диагноз и описание как можно больше совпадали с действительным положением дел, однако, по возможности, всячески раздували и драматизировали кризис.

Верное поведение харизматического заключается в том, что он никогда не успокаивает окружающих его, никогда не пытается приуменьшить масштабов описываемой им кризисной обстановки. Стратегия здесь в любом случае должна носить, так сказать, гиперболизаторский характер. Эта стратегия заключается в том, что никого не следует успокаивать в отношении глубины и серьезности проблем, которые предстоит преодолеть. Наоборот, говорит харизматический всем и каждому, беды налицо, они труднопреодолимы, но, к счастью, есть и человек, способный возглавить борьбу с ними. Окружающим остается теперь догадаться, кто же он, этот человек. И, само собой, ответ находится быстро.

То же самое справедливо и по отношению к психотерапии. Разумное поведение в данном случае заключается не в том, чтобы успокаивать пациента, убеждая, что ничего страшного с ним не произошло, это, дескать, со всеми случается. Или того хуже: все это вскоре и вовсе пройдет само по себе или же после незначительных усилий. Банальная тактика указания на универсальность расстройств никак не годится для пациента, однако для терапевта она еще вредней.

Правильная тактика сводится к тому, чтобы подчеркнуть тяжесть расстройств. С такой ужасной напастью, ясное дело, сможет справиться только человек, одаренный особо. Все же остальные существующие в природе терапевты, теоретически поверхностные и практически беспомощные, стоящие на явно ошибочных позициях, смогут здесь разве что навредить. В кругу сочувствующих себе коллег тот же идеологический лидер, демонстрируя свои терапевтические случаи (конечно же, всегда успешные), не перестает напоминать, какие глубокие закономерности вскрывает его теория, какие разумные терапевтические пути она, к тому же, предлагает. Эти закономерности свойственны, конечно, не единичным случаям, они свидетельствуют о бедах глобального порядка, так что его теория пригодна не только для клинических нужд, она годится и для исправления общества в целом, да и для улучшения человеческой природы как таковой. Как мы видим, исходные клинические концепции – это всегда отправной пункт для осуществления разных типов экспансии, в первую очередь, патогرافической.

Бойцовская позиция предполагает, что новаторская деятельность

начинается с восстания против существующих норм и авторитетов, чем вызывает, натурально, ответную охранительную агрессию в свой адрес. Можно представить себе без труда ситуацию, когда харизматический начал свой путь без излишне агрессивных намерений, и, к примеру, просто сочинил некую, безобидную, на первый взгляд, теорию, за которую, однако, тут же подвергся гонениям со стороны окружения. Нет сомнений, всякий, побывавший *жертвой*, имеет несравненно больше возможностей для развития харизмы, чем тот, кого судьба этим коварно обделила. Даже в том – неудачном – случае, когда никто, как назло, не нападает на героя, необходимо создать хотя бы видимость остракизма или, при обстоятельствах совсем уже печальных, присочинить какой-нибудь эпизод в этом духе из прошлого. Fighting stance рождается у жертвы преследований как бы в ответ на преследования, вторично. Таким образом, вопрос о том, что первично – агрессия в адрес харизматического или его бойцовская позиция, – это вопрос несущественный. Главное, чтобы просто все это проявлялось как можно более интенсивно, иначе всякой харизме, увы, – конец.

В психотерапевтическом мире бойцовская позиция реализуется, в первую очередь, в коллегиальной среде. Так повелось уж со времен фрейдовского психоанализа, что новая школа появляется на свет, энергично порывая с предыдущими методами. Обычно создатель новой школы не скупится на суровую критику в адрес предшественника, порой так же крепко получает в ответ. Автор нового метода и его последователи обычно обвиняют предшественников в неэффективности и кабинетности, в излишней односторонности и проекции собственных личностных черт на проблематику пациентов. Почти всегда речь здесь идет о конфронтации с психоанализом. Огромное большинство создателей новых школ полагало, что своим новым направлением они дают ответ на вызов, брошенный психоанализом, на котором, собственно, опробовались все известные стереотипы психотерапевтической критики. Одна из причин этого коренится, безусловно, в крайне агрессивном полемическом поведении психоаналитиков эпохи начала фрейдистского движения, в первую очередь, конечно, самого «дедушки». Конечно, эта агрессивность была порождена в значительной степени атакой на сам психоанализ, и, как мы знаем, психоаналитики в долгу не остались. Но, в конце концов, посеявший ветер пожнет бурю.

Вполне естественно предположить, что такая агрессивная позиция не рекомендует разделять эклектическую точку зрения, допускающую смешение разных психотерапий, синтез школ и методов. Бойцовская позиция скорее предписывает нежелание делиться идеями и очерченным ими пространством с товарищами по цеху, если это, разумеется, не восторженные последователи. Она, разумеется, рекомендует всячески подчеркивать исключительную оригинальность собственных идей и их принципиальное отличие от негодных или даже вредно действующих

методов коллег-иноверцев, которые следует подвергать неустанной диффамации. Вопросы борьбы за приоритет приобретают исключительно важное значение. В самом крайнем случае можно как бы нехотя признавать заслуги предшественников, желательно, конечно, ушедших уже в мир иной, или же подвизающихся в других, неконкурентных, областях (философии, изящных искусствах). Если, однако, так получилось, что реального предшественника уж никак не спрятать, то следует всячески подчеркивать глубокую разницу между содержанием его наследия, которое было не более чем подсказкой, первым толчком, и собственным оригинальным творчеством, которое, конечно, и так, без посторонней помощи, расцвело бы и затем ярко воссияло. Все эти властные практики в психотерапевтическом мире, как всем известно, распространены, и эрудированный читатель без труда вспомнит множество примеров такого школьного поведения.

Идем дальше. **Charisma of choax**, харизма притворства, по И.Шифферу (*ibid.*, p.48), предполагает известный элемент игры, большие усилия по формированию внешне-театральной стороны деятельности. Совершенно необходимо, чтобы харизматическая активность всячески бросалась в глаза, обращала на себя внимание. То есть, помимо усилий, направленных на реализацию основных целей, много внимания следует уделять привлечению к ним внимания, причем желательно в ярком, возможно даже – агрессивном стиле. Здесь хороши любые средства. Всякое дело может быть обставлено соответствующей символикой, эмблемами и гимнами, знаменами и ритуалами. Очень хорошо для любой ситуации придумать энергичные лозунги, сформулировать свои цели и программы афористически и доходчиво, так, чтобы это легко запоминалось и могло при этом оказывать действие, способное изменить состояние сознания. Разумеется, важное дело – заботиться о соответствии содержательной части идеологии внешнему оформлению.

Известная театральность в психотерапии встречается сплошь и рядом. Бывает, без сомнения, что она проявляется в карикатурно-утрированном виде. Вот как описывают работу Ф.А.Месмера, терапевта сильной харизмы: «Серьезный и спокойный, он входит медленно, с величавым выражением лица, излучая покой в общее беспокойство... На нем длинная шелковая фиолетовая мантия, вызывающая мысль о Зороастре или об одежде индийских магов; сурово, сосредоточившись в себе наподобие укротителя зверей, который, имея лишь легкий хлыст в руке, единственно силой воли удерживает зверя от прыжка, шагает он от одного больного к другому. Перед некоторыми он останавливается, спрашивает тихо об их состоянии, потом проводит своей магнетической палочкой по одной стороне тела книзу и по противоположной кверху, приковывая к себе в то же время, властно и настойчиво, исполненный ожидания взгляд больного» (С.Цвейг, 1992, с.73). И далее в том же духе. В разумности такого поведения Месмер отдавал себе полный отчет: «Если

бы мои приемы не были разумно обоснованы, они должны были бы казаться столь же нелепыми, сколько и смешными, и в них, действительно, трудно было бы проникнуться верой» (*там же*, с.72). Нет никакого сомнения, что директивные психотерапии требуют наибольших стараний по созданию яркого театрально-харизматического антуража. Однако демократизм не директивных психотерапевтических ритуалов вовсе не означает отсутствия театральности, просто для продажи психодинамического или экзистенциально-гуманистического товара требуются совсем другие сценография и костюмы.

Другой важный момент заключается в необходимости известного постоянства – как идеологического, так и внешне-ритуального. Харизматический всегда в той или иной степени – человек одной мысли. Какова бы ни была ее реальная ценность, он при любых обстоятельствах ей исключительно предан. Это диктуется необходимостью борьбы за свои идеи не как за объективно-научные «данные», которые можно экспериментальным путем подтвердить или опровергнуть, а как за несомненные высшие ценности, объективная верификация которых скорее могла бы им повредить, чем помочь. Ведь мы знаем, что психотерапевтическое знание не легитимизируется научно объективным исследованием, что, безусловно, вызывает дополнительную потребность в харизматическом подкреплении.

Вне всякого сомнения, представительская часть харизматической деятельности должна носить характер по возможности неизменный, точно так же как и содержательная часть. Ритуалы и символы, правила поведения и приветствия – это то, чему необходимо хранить верность, нечто незыблемое. Вот что пишет М.Вебер по этому поводу: «Величайшие конфликты в сфере чистой догматики даже в рационалистических религиях переносятся легче, чем новшества в символизме, угрожающие магической эффективности действия... Например, спор о том, следует ли составлять крест из двух или из трех элементов, послужил основной причиной раскола в русской церкви в конце 17-го века» (*Weber, 1964, Vd.1, s.324, цит. по Гайдено, Давыдов, 1991, с.111*).

К психотерапевтической жизни все это относится самым непосредственным образом. В сущности, неважно, какую именно технику предлагает терапевт-новатор, важно его суровое отношение к необходимости соблюдать терапевтический ритуал, во что бы то ни стало. Если же его идеология носит подчеркнуто либеральный характер, то и стиль, соответственно, должен быть утрированно-либеральным. Любая перемена может быть расценена окружающими вовсе не как позитивная эволюция, но как предательство интересов дела, в которое они вовлечены. Харизматический всегда в той или иной степени – заложник своей идеологии и созданного им же самим образа, тут, увы, ничего не поделаешь. Тема соотношения харизмы и свободы ее носителя наводит на

весьма печальные размышления.

Charisma of hoax перекликается с разобранной выше **charisma of imperfection**. Понятно, что стигма так же служит фиксации образа лидера в памяти окружающих, как эмблема или лозунг. В этом смысле горб или какое-нибудь особое родимое пятно оказывают, видимо, примерно такое же действие, как особое ритуальное приветствие или неизменная сигара во рту.

Мы отдаем себе отчет в том, что апология демонстративности может показаться неприемлемой для традиционного интеллигентского сознания. Любой интеллигентский поведенческий кодекс – писанный или неписанный – предписывает неброскую внешность и не вызывающее поведение в сочетании с подчеркнутой деликатностью, жертвенным самоотречением и демонстративным отсутствием властных устремлений. Такая манера преподносить себя, на первый взгляд, несовместима с лидерской, но даже и на таком мировоззренческом и поведенческом материале возможно построение харизмы, основанной на упорном, быть может, даже героическом, отстаивании вовсе, казалось бы, негероических интеллигентских ценностей. При некоторой ловкости возможно построение харизмы даже на принципиально антихаризматических позициях, то есть в духе отрицания самой возможности идеологического лидерства как такового, воспевания идеалов духовного богатства и аскетического равенства.

В целом же вопрос о произвольности харизмы, об умышленном и целенаправленном ее построении останется открытым и проблематичным. Насколько человек может осознавать или до какой степени он может обманывать себя, что он действует на других особым образом? Возможно ли вообще длительное время сознательно и последовательно культивировать видимость своих экстраординарных свойств? Каким образом обойтись с нравственными соображениями, неизбежно возникающими в такой ситуации? Ответить на все эти вопросы крайне сложно.

Не совсем понятно даже, каким образом возможно сочетать одновременно новаторскую идеологию, бойцовскую позицию, демонстративно-ритуальную часть? Что ж, вопрос о пропорциях и соотношениях решается в каждом отдельном случае особо, однако серьезная и насущная необходимость иметь в виду все это при анализе деятельности любого психотерапевта (в том числе и своей собственной), думается нам, по прочтении этого текста ни у кого уже не вызовет сомнений.

Innovative life style, новаторский жизненный стиль (*ibid.*, p.53) предполагает, что харизматический привносит в свою внешне демонстрационную часть харизмы какой-либо новый элемент. Вообще, харизма живет новизной. Невозможно представить себе, чтобы носитель экстраординарных способностей подкреплял их общепринятыми идеями или оформлял общепринятым образом. Собственно, отсутствие новых

идей делает харизму ненужной. В тех же случаях, когда в ее основе лежит почвеннически-консервативная идеология, она противостоит, так сказать, «духовной ситуации эпохи», и конечно, производит явно новое впечатление, быть может, даже совершенно того не желая.

И.Шиффер выделяет также сексуально-мистический аспект харизмы (*ibid.*, p.43), справедливо полагая, что оба этих компонента действуют вместе, взаимодополняяще и, по-видимому, усиливают друг друга. Как сексуальное, так и мистическое особым образом (трудно точно сказать, каким именно) влияют на состояние сознания, способствуя возникновению веры в особые качества их носителя. Здесь приходит на память пример Григория Распутина, как очень наглядный.

Справедливости ради надо сказать, что факторы, изложенные И.Шиффером, не систематизированы и только очерчивают описываемый феномен, дают не более чем приблизительную картину. Однако, на наш взгляд, это не столько просчеты самого исследователя, сколько результат сопротивления материала исследования. Мы отдаем себе отчет в том, что никто не в состоянии с полной четкостью его определить и диагностировать. Мы не располагаем инструментом, который позволил бы нам надежно измерить наблюдаемое явление или же установить исчерпывающе ясно те психологические механизмы, которые лежат в основе харизматического воздействия и его рецепции. Однако спокойный и вдумчивый разговор на эту тему не может не приблизить нас к ее пониманию.

* * *

Итак, харизматический драматизирует свои идеи, гиперболизирует их. Можно сказать, что его деятельность заключается в формировании неких «крупных» смыслов, за которые он берет на себя ответственность, за которые он готов к борьбе без послаблений и компромиссов. Безусловно, такого рода позиция требует максимализма и аскезы.

Цель такого самоотречения – не только идея как таковая. Трудно представить себе позицию харизматического как человека безупречной нравственности, полного исключительной преданности одной лишь своей идее. Конечно, самое важное в этой его деятельности всегда будет максимальное расширение своего идеологического пространства, обретение максимальной власти над максимальным количеством умов, а в удачном случае – зримое, возможно даже материально осязаемое торжество его идей. Всем известно, что психотерапевтическая жизнь (как, впрочем, и всякая другая) несет на себе печать энергичного соревнования и борьбы различных властных амбиций. Именно с этой точки зрения харизма, безусловно, необходима и выступает в роли важнейшего фактора конкурентной борьбы, в некоторых случаях, возможно, и решающего.

Психотерапевт формирует свою харизму как по отношению к пациентам, так и по отношению к коллегам. Если первое, как мы отчетливо выяснили, – дело почти необходимое, востребованное

терапевтической ситуацией как таковой, то второе – результат отдельных, специфических усилий, вовсе не таких обязательных с точки зрения профессионального идеала (уж не говоря об идеале нравственном).

Одно из таких специфических усилий – формирование собственной, по возможности, развернутой идеологии. Ни в каком случае нельзя экономить усилий и средств на деятельности в этом направлении. Широко распространенное мнение о том, что, дескать, техническая составляющая в психотерапии более важна, не должна никого вводить в заблуждение. Собственная идеология и есть то главное богатство, которое защищает харизматический, поэтому естественны труды по приумножению и сохранению этого богатства. Формирование и распространение теории может вполне сопровождаться «антиидеологической» пропагандистской компанией, в духе поругания интеллектуализма и теоретической деятельности вообще, восхваления «практического» подхода к делу, «людей поступка», но очень будет худо, если вся концепция, на которой будет построена пропаганда, ограничится только этим. Главное назначение теории в таком контексте – не столько объяснять реальное положение дел, сколько обслуживать харизму, формировать идеологическое пространство, в котором лидер осуществляет свою власть, очерчивать границы этого пространства и готовить своих верных к защите установленных границ от агрессии извне.

Концепция, обслуживающая харизматическую личность, это, естественно, концепция, предполагающая наличие экспансионистских устремлений, причем тут мы можем иметь дело со всеми видами экспансии одновременно. Эта концепция имеет *сотериологический* характер, т.е. несет в себе не только терапевтический рецепт, ограничивающийся клинической сферой, но предлагает верный и надежный способ преодоления глобальных проблем. Речь может идти, по меньшей мере, о двух главных составных частях такой теории.

Первое – это диагностика некоего глобального дефекта, всеобщей беды, от которой страдает весь род человеческий. Клинические последствия – не более чем частный случай этого зла, намного более обширного по своей природе. Подавленная цивилизацией сексуальность в классическом психоанализе; тревожность, вызванная давлением общества, построенного на соперничестве, в неофрейдизме; экзистенциальная пустота, помещающаяся, по В.Франклу, не только в границах клинического пространства, но и за их пределами – вот примеры такого рода глобальной диагностики, практикуемой в разных школах.

Важно, однако, не только рассказать о беде, но указать ясный и единственно правильный путь ее преодоления. Конечно, мы найдем большое разнообразие этих единственно правильных лекарств. Главное здесь – это отнюдь не только адекватность теории действительному положению дел. В смысле же адекватности дела обстоят как раз довольно трудно. В огромном большинстве случаев проверить реальную

справедливость отстаиваемых воззрений невозможно. Важно, чтобы такая теория была, а еще лучше – отстаивалась бы последовательно и жесточенно. Такая теория в случае автора, настроенного крайне экстремистски в духе презрения к «болтовне» и пренебрежения «кабинетной ученостью», может быть сформулирована очень сжато, конспективно, в виде лозунгов и афоризмов – все это возможно. Плохо дело, когда никакой идеологии нет совсем ни в каком виде.

Нелишне заметить, что интересная, «революционная», а особенно же эпатирующая теория сама по себе способствует формированию харизматического имиджа и позволяет «экономить», например, на усилиях внешне-театрального порядка, столь необходимых для харизматического дела. Вывод: не хочешь кривляться – философствуй!

Итак, харизма являет собой единство имиджа, идеологии и инициативного действия, направленного на расширение своего пространства и влияния. Это действие должно обладать одной непрременной особенностью, а именно – оно должно быть успешным. Успех, как бы он ни был достигнут, необходим любой ценой. Ничтожна цена упомянутых выше «сверхъестественных, сверхчеловеческих или, по меньшей мере, специфически особых сил и свойств», не приводящих к наглядному эффективному результату. Харизма кормится успехом.

Приговор М.Вебера в этом случае суров: «Если продолжительное время ему (харизматическому – А.С.) изменяет успех, и в первую очередь, если его руководство не приносит благополучного исхода подчиненным, то его харизматический авторитет может исчезнуть» (М.Вебер, 1988, с.140).

Деятельность в таком ключе начинается с определенных успехов, свидетельствующих об особых качествах. В том же случае, если карьера с успеха не началась, следует подождать удачной полосы, чтобы объявить это началом своего пути. Все же остальное, что было до того, объявить подготовкой, ученичеством, накоплением сил, опыта, чего угодно. Успех формирует харизму, она порождает ожидания, которые, распространяясь среди паствы, исполненной веры и надежды, способствуют новым успехам. Таким образом получается то, что можно назвать **харизматическим кругом**: успех – харизма – успех – усиление харизмы – успех и так далее. Этот круг, конечно же, прерывается или, по меньшей мере, ослабляется, когда выпадает звено успеха.

Выпадения такого рода, конечно, не редкость, главная же беда – не всегда получается их скрыть. Поскольку характер свойства, которое мы здесь обсуждаем, таков, что главное для его обладателя – его видимый, публичный характер, то именно публичность, несокрытость неудач является абсолютно недопустимым делом. Здесь можно отметить сходство проблем общественно-политических и психотерапевтических харизматиков. И тем и другим приходится тяжело отдуваться за взятую на себя ответственность и порожденные ими самими ожидания. Однако

сейчас нас больше интересует психотерапевтическая ситуация.

К сожалению, порой неудачу не скроешь никак, и поэтому надо быть готовым защитить себя от критики недремлющих конкурентов, готовых тут же заметить любую ошибку и потребовать неприятных объяснений. Несмотря на всю нелепость и унижительность для харизматического подобной ситуации как таковой, объяснения придется давать, особенно если речь идет о психотерапии, где задействованы в лучшем случае уже упоминавшиеся «специфически особые» силы, а вовсе не «сверхъестественные и сверхчеловеческие». Однако такого рода оправдания здесь имеют особый характер: харизматический должен уметь любое поражение обращать себе на пользу, то есть владеть процедурой, которую можно обозначить как **харизматическая утилизация**. Эти оправдания направлены в две стороны. Во-первых, надо объяснить пациенту, что отсутствие эффекта есть несомненное благо, а во-вторых – объяснить критикам, а заодно и своим последователям-маловеерам, по возможности, то же самое. Оптимальный вариант оправдания сводится к тому, что в данном неудачном случае, который по всем признакам должен был быть успешным, как, впрочем, и все остальные, терапевтический путь был выбран абсолютно верно, однако стихийные, непредвиденные, сверхчеловеческой мощи обстоятельства помешали реализовать то, что было намечено.

Отсутствие эффекта или ухудшение состояния может быть объяснено намерением вызвать или продлить необходимый кризис, каковой сам по себе действует благотворно, и необходимо только дождаться результатов этой благотворности. Если такова оправдательная легенда, то мы можем говорить о *парадоксально-кризисной утилизации*. Однако вовсе не обязательно говорить о кризисе, можно объявить терапевтическое действие свершившимся (к примеру, комплекс – вскрытым, гештальт – завершенным), однако пока не проявляющим себя в силу известных терапевту причин. Такую утилизацию можно было бы обозначить как *темпоральную*, то есть эффект неизбежен, он просто немного отставлен во времени. Возможны также самые тривиальные доводы вроде статистических: несколько неудачных случаев не портят общей успешной картины. Эта утилизация может быть обозначена как *стохастическая*. В других случаях можно отнестись к неудаче как к необходимому уроку, а заодно продемонстрировать достойную восхищения мудрую готовность учиться, несмотря на имеющиеся уже достижения. Такую разновидность утилизации можно назвать *дидактической*. И как это всегда бывает при выделении чистых типов, не следует забывать о смешанных формах.

Многие терапии вовсе не склонны видеть непосредственным результатом своего действия немедленный клинический эффект. Их цель скорее в мировоззренческой перекройке пациента, чем в немедленном и безусловном избавлении от страданий как таковых. Тем не менее, такой подход строится на соображении, что новое отношение к миру делает

страдание не столь тяжким, как это было раньше. Психотерапевт выступает здесь, как принято говорить, в роли практического философа. Мироззрение, формируемое в ходе такой терапии, предполагает, что картина мира значительно расширяется, наполняется новыми смыслами и ценностями, уменьшая удельный вес переживаний, связанных с проблемой, по поводу которой человек обратился к терапевту. То ли это групповая терапия в духе «групп встреч», направленная на преодоление изоляции, расширение коммуникационного пространства, а отнюдь не только на ослабление имеющейся симптоматики. То ли это анализ в экзистенциалистском духе, предполагающий ориентацию на духовные ценности. То ли это вариант психоаналитической терапии, когда терапевт считает, что его цель – не столько облегчить страдание, сколько рассказать человеку «правду» о нем. Одним словом, такая позиция является бесспорно удобной, ибо никто не сможет потом схватить за руку в случае неудачи. Все это, однако, далеко не бесспорно в том смысле, что для подтверждения «специфически особых» свойств требуется так или иначе наглядно зримый продолжительный и массовый результат, а то за свои харизматические притязания очень трудно будет отчитаться. Этот же подход предполагает, что прорыв пациента в новое идеологическое пространство, равно как и сам контакт с терапевтом – вещи для него настолько значимые, что он готов простить неудачу со своими симптомами и согласен их терпеть в своей новой жизни.

* * *

Мы видим, что харизматический проводит свою жизнь в избегании неудач, сокрытии уже случившихся или же избирает путь, где эти неудачи просматриваются плохо. Скользкое все это дело, что и говорить. Думается, что в нашем стремлении сделать этот феномен более осязаемым самое время вернуться к обсуждению аспектов и свойств харизмы. Очень сподручной представляется нам здесь методология описания пропорций, которой пользовался, например, Э.Кречмер в своей книге «Строение тела и характер». Разбирая особенности различных конституций, он систематизировал их между разными противоположными свойствами, которые в различных соотношениях одновременно присутствовали у описанных им личностных типов (Э.Кречмер, 1995, с.472). Нам представляется, что для уяснения многих важных аспектов харизмы целесообразно разобраться в следующих пропорциях, предлагаемых нами.

Первая харизматическая пропорция – *центробежное/центростремительное*.

Речь идет о том, что в харизматическом облике сочетаются движение вовне – агрессивно-пропагандистское, направленное на завоевание новых последователей и пространств, с движением внутрь, связанным с неким тайным знанием, особого рода умудренностью, недоступной нехаризматическим. Приходится сталкиваться с распространенным представлением, будто харизме непременно свойственна агрессивность,

исключительный динамизм в сочетании с ораторским даром. Этот набор, видимо, больше подходит лидеру политического движения, хотя и ему, конечно же, следовало бы уделять в своем имидже больше места знакам «мудрости», причастности особым знаниям и нетривиальному духовному опыту. Некоторая погруженность в себя, «тихая» составная облика, в конце концов, и реальные познания, демонстрируемые при случае, многое другое из области, так сказать, интровертированного – все это формирует центростремительную часть. Здесь вполне уместно, на наш взгляд, вспомнить, к примеру, об опыте российских монастырских святых, чей облик вовсе не предполагал агрессивной активности, направленной на динамичное завоевание мира, и ограничивался в значительной степени центростремительной, направленной вовнутрь, сосредоточенной составляющей их облика, явно харизматического. Отшельничество, связанное с приобщением к тайному знанию, с обретением особого опыта, безусловно, здесь не только уместно, но даже и крайне желательно. Абсолютно ясно, что по аналогии с традицией религиозной практики и в противовес общественно-политической традиции, где от лидера практически всегда, к сожалению, требуется именно динамизм и агрессивность, психотерапия предполагает больший удельный вес именно центростремительной части харизматической пропорции. Количественные соотношения этих пропорций в каждом отдельном случае устанавливаются особо (количественное здесь, конечно, определяется крайне приблизительно, речь может идти только о «больше» и «меньше»).

Другой контекст для пропорции *центробежное/центростремительное* составляет двойственность бойцовой позиции. С одной стороны – харизматический всегда боец, с другой – крайне желательно, чтобы при этом он был еще и жертвой. Всегда неплохо, когда есть потребность сплотиться не только вокруг идей и проектов лидера, но и еще ради защиты его от врагов. Несомненно, что отдельные усилия по защите лидера от враждебного окружения усиливают харизму, делают ожидание специфически особых свойств более нетерпеливым. Крайне необходимо в таких случаях наличие врагов, очень важно также претерпеть от них хоть какие-нибудь гонения и травлю. Без гонений и преследований никак не обойдешься, если заботишься о завершенности и полноте харизматической ситуации. В политической жизни это, конечно, вещи само собой разумеющиеся: любая мало-мальски серьезная новаторская инициатива затрагивает чьи-то интересы и сталкивается с серьезным противодействием (а мудрый политик всячески провоцирует и разжигает его).

В психотерапии, к сожалению, дело обстоит так далеко не всегда. Никому так не повезло, как создателю психоанализа, в смысле формирования по отношению к себе атмосферы неприятия и агрессии. Несомненно, что значительной частью своей харизмы Фрейд обязан именно этому обстоятельству. То, что в случае Фрейда и его школы

можно без сомнений говорить о харизматическом влиянии, видно хотя бы из такого свидетельства: «Фрейд возводится в полубога или даже в целого Бога. Его слова не подлежат критике. У Задгера мы читаем, что «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie» – библия психоаналитиков. Я заметил, что ученики Фрейда, по мере возможности, взаимно аннулируют свои работы. Они признают только Фрейда, мало читают и почти никогда не цитируют друг друга. Более всех цитирует их сам Фрейд. Все хотят быть вблизи Фрейда» (Ф.Виттельс, 1991, с.118). Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, скажем, что пассажи вроде этого без труда можно найти в жизнеописаниях любой крупной личности в истории психотерапии. Понятно, что Фрейд был обязан своим авторитетом не столько своим агрессивно-ораторским качествам, сколько эпатазирующему влиянию своего учения, о чем сказано уже очень много. Никакое другое учение в психотерапии не было предметом такой ожесточенной критики, таких нападков, причем одновременно как со стороны медиков, в первую очередь психиатров, так и со стороны немедицинской общественности (Э.Джонс, 1996, с.248-258).

Другие психотерапии, подвергшиеся критике только в своей профессиональной среде, очень много в этом смысле недополучили. *Харизма жертвы*, о которой уже шла речь выше, влияет, в основном, на коллег, хотя нетрудно представить себе ситуацию, когда пациент знает, что терапевт, который проводит с ним такое замечательное лечение, подвергается нападкам и гонениям малоуспешных и оттого завистливых коллег, и тогда пациент выздоравливает еще лучше и скорее, чтобы успешным исходом лечения поддержать любимого доктора в его справедливой борьбе против недоброжелателей.

Вторая пропорция, которая нам представляется интересной, – *чувственное/аскетическое*. Нет сомнений, что значение гедонистического фактора в истории психотерапии весьма существенно. Понятно, что в политическом и психотерапевтическом контекстах гедонистическое, чувственное имеет разное употребление. Речь здесь идет одновременно о содержании учения и о формировании облика. Политический лидер имеет возможность лишь в ограниченных количествах являть свое чувственное начало миру, в программе же своей он этой возможности чаще всего лишен. Слуга народа не имеет, естественно, возможности открыто и неограниченно предаваться чувственным радостям, подобно заурядному представителю своей паствы. Неслучайно сексуальные приключения в анамнезе политика – традиционно самый компрометирующий момент. Любая аскеза способствует вере в «специфически особые» свойства, ибо она справедливо представляется обыденному сознанию совершенно неправдоподобной. Наличие чувственной привлекательности вкупе с аскетическим поведением в этом смысле есть самое выгодное сочетание для карьеры и влияния.

В психотерапии все немного иначе. Психотерапевтическое дело чаще

всего не ведет к какой-либо цели, требующей самоотречения, ибо в процессе работы никаких новых ценностей не создается. В огромном большинстве случаев аскеза, самоотречение сами признаются вредоносными для здоровья факторами, и стратегия работы с пациентом направлена на то, чтобы ослабить, а то и вовсе сломать аскетические установки. В самом деле, в психотерапии мы очень нечасто имеем дело с подлинно аскетической идеологией, здесь скорее мы идем путем попустительства и не стеснения. Видимо, очень часто сочетание такой тактики с тем обстоятельством, что чувственные влечения тут же, на месте, где проводится терапевтическая процедура, реализовать невозможно, создает напряжение, подпитывающее харизму. Запрет на злоупотребление «контрпереносом» важен, таким образом, не только с точки зрения традиционной морали, но и с точки зрения сохранения веры пациента в постоянно упоминаемые нами особые свойства. Эта вера сохраняется, разумеется, только в условной ситуации терапевтического ритуала, предполагающего известную дистанцию между терапевтом и пациентом. Терапевт, заботящийся о том, чтобы производить на пациента впечатление харизматического, конечно, разумно предпочтет воздержаться от действий под влиянием «контртрансферентных» желаний. С другой стороны, вполне возможно появление новых идеологий, построенных, вопреки сложившейся традиции, на полностью аскетической основе.

Другая важная пропорция, которую мы усмотрели, наблюдая за доступным нашему исследовательскому взору харизматическим опытом, обозначена нами как *эзотерическое/экзотерическое*. Элементы тайного знания, быть может, даже магического толка, присущи многим методам и школам. Достаточно вспомнить здесь об аналитической психологии К.Г.Юнга, трансперсональной терапии С.Грофа да и просто о множестве самостоятельных терапевтов, которые любят обставлять свои суггестивные воздействия или групповые игрища всякого рода магическим антуражем, представляя себя колдунами или шаманами, а психотерапию, соответственно, – свершением магического таинства. Как бы мы к этому ни относились, приходится примириться с тем, что все это в психотерапевтическом обиходе было, есть и будет.

Распространение эзотерических элементов в психотерапии обусловлено несомненным наличием спроса на них, причем это спрос того же порядка, что и спрос на «особые свойства» психотерапевта, короче говоря, на его харизму. Персонаж, отправляющий магический ритуал (понятно, если принимать эту условность), наделен сверхъестественными качествами по определению, они-то, собственно, и должны оказывать, по задуманному сюжету, эффективное благотворное воздействие. Проблема в том, что эти сверхъестественные качества надо постоянно очень серьезно подтверждать, находясь под наблюдением недоброжелательной чаще всего критики, с подозрением и брезгливостью третирующей

«шарлатанов». Деятельность эзотерического терапевта покоится на противопоставлении сакрального и профанного, и таким образом формируется одновременно и незаурядная обстановка, обеспечивающая «особость» терапевтического воздействия, и объект агрессии, против которого занимает бойцовская позиция. Профанное, рациональное, разумеется, – постоянный объект приложения харизматической агрессии в этой, весьма распространенной, идеологической ситуации.

Однако, окинув мысленным взором всю многообразную психотерапевтическую жизнь, мы обнаруживаем, что среди всех терапий откровенно эзотерические все же в явном меньшинстве. Как бы ни был велик спрос на «магический» антураж, дело обстоит таким образом, что играть незаурядную роль, поддерживать образ обладателя магических, а значит, безусловно эффективно действующих сил, очень трудно, а порой длительное время – просто невозможно. Да, собственно, в большинстве случаев вопрос так и не стоит. Психотерапевтическая традиция складывалась в большой степени как медицински-рационалистическая, эзотерика составляла всегда не самую значительную ее часть. Иррациональное усматривалось, в основном, в состоянии и действиях пациентов, но не связывалось чаще всего с образом или действиями терапевта.

Эзотерическое, то есть лишенное магически-сакральных элементов, будучи, с одной стороны, вполне рациональным, с другой – предполагает демократизм, то есть относительно равноправные отношения в процессе терапии. В самом деле, магически-эзотерический терапевт возвышается над пациентом, он обладатель знания и умения, недоступного другим, и оттого – достойного преклонения. Эзотерический терапевт в некоторых случаях выступает в роли «специалиста», профессионала, что делает формирование харизмы уже в известной степени проблематичным. В других случаях, когда мы имеем дело с большинством современных групповых или телесно-ориентированных терапий, терапевт может выступать в относительно равноправной по отношению к пациенту роли или хотя бы создавать иллюзию такого равноправия. Однако само по себе эзотерическое отношение к делу не отрезает пути к формированию харизматического. Тут можно заметить, что *групповая ситуация – куда более сподручное дело в смысле развития харизмы, чем индивидуальная терапия*. Основной канал, по которому протекают харизмообразующие токи, – измененное состояние сознания, или нетривиальное эмоциональное состояние, что, в сущности, одно и то же. Очень важна в таких случаях либеральная, освобождающая идеология, под которую терапевт подстраивает свою тактику равноправных отношений с пациентом. Темой для отдельного исследования может стать взаимопроникновение эзотерических и экзотерических идеологий, что приходится видеть достаточно часто.

Здесь самое время обсудить другую пропорцию, а именно *ав-*

торитарное/либеральное. В политической жизни харизматическую личность чаще всего соотносят с авторитарным, даже тоталитарным правлением. Авторитет крупной политической харизмы предполагает безусловное подчинение, неоспоримое право казнить или миловать. Либеральная идеология ставит господствующего в заранее невыгодное положение, когда каждый может высказать сомнение в наличии у него особых качеств, а то и запросто может проложить путь другому харизматическому. Психотерапия шла поначалу тоже по пути, аналогичному авторитарному. Как уже говорилось, первые получившие широкое распространение школы, например, классический гипноз, рациональная психотерапия, исходили из соображений безусловного подчинения пациента воле терапевта. Вся дальнейшая история психотерапии развивалась под знаком преодоления такого положения дел, как бы все больше и больше уравнивая в рамках терапевтической процедуры ее участников. Пациент исподволь получал все больше возможностей не соглашаться, возражать, проявлять неповиновение, критиковать терапевта, выказывать агрессию в его адрес. Как понятно из вышеприведенных построений, такое уравнивание в правах параллельно процессу, так сказать, дезэотеризации.

Либеральные практики, однако, требуют всегда некоторых элементов принуждения. Внимательный наблюдатель, принимавший участие в работе самых что ни на есть либеральных групп встреч (не говоря уж о гештальт-терапии), конечно, обращал внимание на то, что почти всегда там имеют место элементы несомненного давления со стороны терапевта, доводящего до сознания участников, например, идеи безусловного принятия и открытости в проявлениях чувств. Харизматическому носителю такой идеологии, скорее всего, будет очень трудно избежать твердости и настойчивости в формировании запретов, то есть придется проявить отчасти авторитарные черты в том, чтобы донести свои принципы до аудитории. Донеся же, он неизбежно возьмет на себя роль их хранителя, обрушивая на всех остальных «либеральный террор», требуя постоянно соблюдения равных позиций, жестко расправляясь с антиавторитаризмом. Конечно, необязательно дело будет обстоять именно таким образом, но и такое развитие событий очень трудно исключить.

Итак, психотерапевт, впрочем, как и человек, подвизающийся на общественно-политическом поприще, создает свою харизму в пространстве между либеральным и авторитарным полюсами, отдавая должное в той или иной степени обеим тенденциям.

Видимо, не будет неправдоподобным предположение, что для лучших харизматических показателей неплохо бы располагать одновременным сочетанием разных тенденций. Полная определенность в поведении и идеологии ведет к тому, что идеи, отстаиваемые в борьбе, банализируются, пропаганда их становится однообразной, пространство для идеологического маневра сужается, возможности утилизации резко

ограничиваются. Не подлежит сомнению, что самые умные из харизматических стремятся сочетать в своей деятельности агрессивнo-центробежное и умудренно-центрос-тремительное, магически-эзотерическое и демократически-эзотерическое, авторитарно-волевое и либерально-попустительское начала.

Более того, другая достаточно правдоподобная гипотеза могла бы быть сформулирована, например, так: *чем больше выражены присутствующие одновременно взаимно противоположные свойства по каждой отдельной из шкал, тем более сильным будет харизматическое воздействие человека, их в себе сочетающего.* Обстоятельства, которые нас приводят к этому выводу, общеизвестны. Харизматическое влияние предполагает у тех, кто его воспринимает, наличие хотя бы каких-либо элементов так называемого измененного состояния сознания. Наличие противоречивых, парадоксальных черт в образе харизматического или в его пропагандистской деятельности, безусловно, намного больше работает в сторону такого изменения сознания, подобно тому, как парадоксы, внутренние противоречия оказываются действенными факторами наведения транса, например, в известной технике «запутывания» в эриксоновском гипнозе. Не надо бояться быть противоречивым, надо только уметь убедительно объяснять такие противоречия, а такое умение, без сомнения, легко могло бы стать предметом специального тренинга. Список же пропорций, определяющих свойства харизмы, мы оставляем открытым, и нет никакого сомнения, что изобретательный и толковый читатель без труда его дополнит новыми интересными соображениями.

* * *

Весьма важный аспект – временная и пространственная избирательность харизмы. Почти всегда на лидерскую роль есть большое количество претендентов, из которых приходится так или иначе выбирать наилучшего. *Нельзя быть харизматическим всегда и для всех.* Существует нечто такое, что можно обозначить понятием «**харизматическая волна**», на которую потенциальный последователь может настроиться, но может этого и не сделать. Без созвучия носителя харизматических черт и его возможного последователя вся проблематика теряет смысл.

Трудно, почти невозможно предсказать, какой именно человек войдет в состав той или иной харизматической паствы. Здесь возможны только очень грубые прикидки, устанавливающие параллели между своеобразием образа лидера и приблизительным портретом возможного адепта. С одной стороны, здесь можно исходить из соображений идентификации с лидером, то есть предполагать, что член будущей корпорации последователей выберет себе кумира по признакам, ему самому свойственным. С другой же стороны, выбор в этом деле может осуществляться по комплементарному сюжету, то есть лидер выбирается по свойствам, недостающим отдельному индивиду, каковой считает их если не совсем идеальными, то, во всяком случае, в высшей степени

желательными и сожалеет об отсутствии их у себя самого.

Другую метафору, которая могла бы кое-что прояснить, можно обозначить как **харизматическая ниша**. Как идеология, так и образ нового лидера должен отвечать на определенный вызов времени, предлагая решение актуальных задач. Потенциально харизматические свойства и идеи, воспринимаемые охотно в одной исторической ситуации, могут оказаться совершенно невостребованными в другой. Неограниченный авторский произвол здесь, разумеется, невозможен. Выбор идей и стратегий точно так же ограничен конкретной исторической ситуацией, как выбор маски, имиджа – своеобразием конкретной личности. Границы ниши весьма ограничены, и многое зависит от умения в них хорошо вписаться.

Итак, **волна** и **ниша** – это метафоры, определяющие довольно приблизительно пространственные и временные рамки функционирования харизмы. Надо ясно понимать, что как бы мы ни желали противоположного, харизма – это не навсегда и не навечно. В сущности, харизматический – это тот, кто смог оказать ограниченное влияние на некую ограниченную группу людей в определенный ограниченный отрезок времени и не более того.

Другое важное дело – исчисление харизмы. Для этого можно ввести понятие **харизматический охват**. Он может быть, если угодно, микросоциальным и макросоциальным. Иначе говоря, лидер может вести за собой большую группу последователей, скажем, в государственном масштабе – целую нацию, но, без сомнения, также можно считать харизматическим человека, признаваемого исключительно одаренным небольшой по размерам группой, к примеру, религиозной сектой или же террористической группировкой. В психотерапии крупным лидером может считаться основатель и создатель большой транснациональной психотерапевтической империи, личность вроде Фрейда или Роджерса, а мелким – ну, скажем, практикующий в небольшой деревушке целитель, то ли врач, то ли маг, собирающий, к примеру, в черной сельской бане всех окрестных истеричек, которые моют ему ноги, пьют (буквально!) с этого воду и избавляются таким образом от всех своих симптомов (пример взят из устного сообщения одного из коллег). В обоих случаях имеет место вера в особые свойства, присущие каждому из терапевтов, оба могут быть признаны в той или иной степени харизматиками в нашем понимании. Разница в том, что за плечами «транснационального императора» – серьезно обоснованная концепция, разработанная и систематизированная техника, в то время как у бедняги «банщика» ничего этого нет, а есть лишь умение производить впечатление обладателя особых свойств, и то на весьма ограниченный круг. Этим же, естественно, объясняются различия в широте харизматического охвата.

Не составляет никакого труда предположить, что сама теория, ее эстетическая привлекательность, «соответствие природе и правде»,

внутреннее богатство исправно работают на создание харизмы автора теории даже в случае его внешне нехаризматического сдержанно-неброского поведения. Теория (или техническая концепция) является сама по себе мощным харизмообразующим фактором. В сущности, можно разделить всех харизматических психотерапевтов на два типа: **идеологи** и **виртуозы**, ну и, как всегда в таких случаях, предположить, что есть и смешанный тип. Идеологи создают новые теории личностей, новые концепции происхождения и преодоления проблем и болезней. Виртуозы работают только на своих технических приемах, эксплуатируя всячески свою харизму, не углубляясь серьезно в теоретическую проблематику. Они очень ловко могут продемонстрировать свои экстраординарные лечебные таланты, причем очень удобным для этой демонстрации материалом являются, к примеру, болевые синдромы (вспомним здесь любимое знахарями «заговаривание зубов»), а также истерические параличи. Эти виртуозы, безусловно, являют собой «группу риска» в смысле склонности к шарлатанству. Но, безусловно, самый распространенный тип харизматического деятеля в психотерапии – тот, что предлагает одновременно новую теорию личности и патологии вкупе с техническими нововведениями. Примеры приходят здесь на ум сами. Припомнить действительно крупную психотерапевтическую личность без серьезных теоретических новаций будет крайне сложно.

Не мешает, помимо всего прочего, задуматься и над тем, что происходит с харизмой после смерти ее носителя или после того, как он отойдет от дел. Второе, конечно же, случается достаточно редко, ибо ясно, что отойти от харизматического дела до того, как ты уже совсем не в состоянии ему служить – значит безнадежно угробить свою репутацию лидера. Уважительная причина отказа от работы на благо идеи в такой ситуации – очень тяжелая болезнь, а лучше, конечно, смерть. Итак, харизматического не стало, дело свое, однако, он после себя оставил и, натурально, завещал его продолжать. При этом происходит передача не только идеи и налаженной системы, обеспечивающей ее распространение и процветание, но и части особых свойств человека, который это создавал. В традиционно-властной и сакральной традициях передача эта происходит известно как: «...харизма священника через миропомазание, посвящение в сан, возложение рук; харизма короля, переносимая или укрепляемая через миропомазание и коронование» (М.Вебер, 1988, с.144).

Однако, вне всякого сомнения, следует различать *первичную* и *вторичную* харизму. Первичная – это та, что имеется у основателя традиции, вторичная – та, которой обладают его последователи как бы по наследству. Понятно, что сила воздействия основателя религии на кого бы то ни было будет заведомо большей, чем у его наследников. Точно так же создатель метода, отец-основатель направления в психотерапии, с любой точки зрения всегда более харизматический, чем все его последователи, вместе взятые. Они же осуществляют воздействие на других не только

посредством унаследованных идей и техник, но и как бы переняв часть чудесных свойств. «Посвящение» происходит посредством учебного анализа, участия в тренингах. Очень важным обстоятельством является здесь наличие именно живого непосредственного контакта. Передача экстраординарного свойства, конечно же, может происходить только «вживую», никакие литературные штудии не могут помочь тут никак. Школа живет историей, позволяющей проследить цепь таких непосредственных контактов, ведущих, в конце концов, к легендарной фигуре отца-основателя. Теория, технический ритуал, миф, которым живет, без сомнения, любая школа, передается по цепочке вместе со свидетельством о прохождении учебного анализа или тренинга. Беда, однако, состоит в том, что чем дальше, тем больше происходит превращение того, чем школа была поначалу, в руках ее создателя, в, скажем так, просто метод.

Без труда можно предположить, что получатель сертификата имеет шанс сохранить свое харизматическое воздействие только на пациента. В смысле серьезного влияния на коллег он почти безнадежно потерян. На кого, скажите на милость, может серьезно повлиять человек, которого от легендарного создателя школы отделяет расстояние в пять-десять-пятнадцать учебных анализов или тренингов?! Да, пожалуй, только на пациентов. Лучше сразу понять, что разумное поведение в этом случае заключается отнюдь не в том, чтобы точно и пунктуально исполнять предписания классической процедуры, ставя себе при этом в заслугу большие объемы времени, затраченного на приобщение к основам и тонкостям просветляющего знания. Более мудро в данном случае будет всячески скрывать свою зависимость от главной линии школы, от основных установок, подчеркивая при этом максимальный объем своего собственного авторского участия в том, что ты делаешь.

Следуя в русле чужих идей и техник, всякий обслуживает харизму их создателя, жертвуя тем самым своей. В начале любого харизматического пути всегда лежит некая авторская инициатива. Возникновение ее закономерно и понятно. Давно стало общим местом то соображение, что любой психотерапевтический метод несет на себе печать личности его создателя. Вполне естественно предположить, что обладатель других личностных черт почувствует себя неуютно в рамках, несущих на себе отпечаток свойств другой личности. На каждом шагу он сталкивается с вызовом своему вкусу и опыту, на каждом шагу его картина мира, что неизбежно, приходит в противоречие с картиной мира, которая создается этой школой. Расколы внутри школ (как это было с диссидентами в психоаналитическом движении – Адлером и Юнгом) и следующая за тем борьба за влияние являются, как можно предположить, в одинаковой степени следствием как реальных теоретических разногласий, так и личностного конфликта.

С этой точки зрения представляется непонятным отнюдь не

чрезмерное обилие школ и методов, на что не устают жаловаться разные авторы, а наоборот – их осязаемая нехватка, ибо не каждая действующая в психотерапии личность обеспечена адекватной ей методикой, и в таких условиях, понятное дело, прозябает и томится. И хотя огромное большинство терапевтов безропотно мирится с этим, не замечая или подавляя вполне естественное или даже неизбежное сопротивление такому положению дел, это вовсе не значит, что столь явный вызов всем следует оставлять без ответа. Безусловно, нет задачи более полезной и достойной, чем показать терапевтической личности верный, простой и надежный путь преодоления этого неестественного состояния, в котором она, к сожалению, пребывает.

Движение в верном направлении, видимо, начинается с ощущения неудовлетворенности тем, что ты делаешь по предлагаемой тебе инструкции. Любой метод предлагает для работы достаточно жесткие рамки, нимало не заботясь о том, насколько обучаемый терапевт в них вписывается. Естественно предположить, что забота об этом «вписывании» должна ложиться на плечи самого обучаемого. На самом деле, возможность критического осмысления обучающих процессов зачастую ограничена целым рядом факторов. Теория и техника преподносится неотрывно от воздействия на обучаемого первичной харизмы создателя школы, а также вторичной – проводящего учебный анализ или тренинг супервизора. Пути, по которым передается харизма, могут быть самыми разными. Во-первых, это всегда «апокрифы» из жития создателя метода (рассказы о чудесных исцелениях, им осуществленных, об исключительной прозорливости, почти «ясновидении» при интерпретации в разборе запутанных проблем и т.д.). Во-вторых, дисциплинарная система, складывающаяся в процессе убеждения, когда обучающемуся внушают, что строгое соблюдение правил приносит исключительную пользу как ему самому, так и пациенту, а любое отклонение от них – непоправимый вред. В-третьих, строгость в предписаниях исполнения технического ритуала. И, наконец, множество соблазнительно-привлекательных моментов в самом учении. Эти, на первый взгляд, неявные свойства, тем не менее, делают каждое из учений особенно привлекательным, и служат, среди прочего, для формирования особой, иррациональной привлекательности той или иной школы.

Заканчивается учебный анализ и тренинг тем, что новоиспеченного терапевта покупают сертификатом (при этом он доверчиво полагает, что покупает-то сертификат как раз он), якобы открывающим перед ним целый ряд возможностей и дающим множество преимуществ. Новый последователь школы завербован для данного метода тем более надежно, чем больше времени и средств из своего кармана затратил он на приобретение образования, каковое в правильно устроенных школах расчетливо и коварно делается длительным и дорогостоящим (это при том, что трудно представить себе исследования, которые могли бы

установить ясную связь между сроком подготовки и эффективностью работы терапевта). Однако ясно, что потом получивший образование трижды подумает, прежде чем...

Имеет смысл остановиться еще на одном немаловажном феномене. Мы его обозначили как *харизматическое самоуничтожение*. Вождь-политик, что мы видим на каждом углу, заботливо скрывает собственные амбиции, выставляя себя «слугой народа», против своей воли и как бы нехотя берущего на себя делегированное ему бремя власти. Легенды о так называемой «скромности», «неприхотливости» «великих и простых» вождей народов являются зачастую неотъемлемой частью их биографической легенды и образа. Разумный психотерапевт также зачастую склонен приуменьшать силу своего воздействия за счет собственных ресурсов пациента, говоря в таких случаях, что он как бы и не лечит, а только освобождает дремлющие природные силы. Организм или же личность (в зависимости от исходной концепции) делает свое дело сам, он же, терапевт, всего лишь помогает «природе». Несмотря на кажущееся самоумаление, коррумпирующая ценность такой позиции очевидна: пациент убеждается еще больше в исключительной мудрости человека, отнюдь не бросающего скудоумно-дерзкий вызов предустановленной гармонии, а наоборот, исполняющего волю высших сил, которым он оказывается, таким образом, еще намного более причастен, хотя он уже и без этого вполне преуспел.

Важно заметить, что харизма всегда носит отчасти *латентный* характер. В отличие от шамана или знахаря, считающих излишним скромно отрицать свои прямые связи с высшим миром (ведь от них, как от Майстера Экхарта, Бог «ничего не скрывает»), психотерапевту приходится пускаться на самые неприятные для себя вещи для легитимации своей деятельности в современном мире. Приходится, насилуя свою совесть, гробить кучу времени на разговоры о «научном» обосновании своих методов. Особенно много надо стараться в странах с системой государственной поддержки психотерапевтической деятельности. Совершенно ясно, что несдобровать легкомысленному автору, который взялся бы безосновательно утверждать, будто не кропотливые добросовестные научные исследования приводят терапевта к его несомненно эффективной терапии, а какие-то малопонятные свойства личности, не поддающиеся учету и контролю.

Итак, перед нами интересующая нас харизматическая личность. Мы вглядываемся в ее черты с отчетливым чувством неприязни. Нам претят бросающаяся в глаза демонстративность, нас отталкивает узколобое идеологическое упрямство, нас раздражает однообразно-навязчивое поведение. Нельзя не видеть, что за ханжеской преданностью интересам душевного здоровья пациента стоит слабо прикрытое идеологическое властожадение. Чтобы обеспечить свои интересы, он готов пуститься во все тяжкие. Свое харизматическое обаяние, помноженное на безотказное

воздействие «этически-возвышенного» (когда он рассуждает, например об истине, добре, смысле), он беззастенчиво использует в своих властных интересах. Не скроем, что мы с некоторой тревогой ожидаем, что произойдет, когда подобный персонаж (или мнящий себя таковым) узнает себя в нашем портрете, ясно понимая, что наше описание никак не приведет его в восторг. Описываемый же не из числа тех, кто привык оставаться в долгу, лезть за словом в карман и т.п.

Единственное оправдание всего этого заключается в том, что только при наборе именно таких свойств, как показывает исторический опыт, рождаются серьезные и интересные психотерапевтические идеи, которые впоследствии распространяются по всему свету, и, наверное, все же иногда служат делу помощи тем, кто в этом нуждается. *Психотерапевтический метод есть предмет частного интереса психотерапевта.* И чем больше этот интерес будет реализован, тем сильнее вероятность, что новая концепция будет плодотворной и действенной.

* * *

Каким же образом идет становление харизматической личности? В сущности, модель развития может и не отличаться коренным образом от других моделей развития личности. Однако все же не мешает обратить внимание на некоторые своеобразные закономерности.

Итак, своеобразие первой стадии, которую можно обозначить как ученическую, или, например, латентную, заключается в том, что происходит не просто накопление знаний и опыта, но одновременно формируется критически-агрессивное отношение к той парадигме, в которой будущий харизматический лидер воспитывается. Разумеется, это связано отнюдь не только с поиском реальных недостатков существующей парадигмы (хотя это тоже очень важно), но и с формированием своеобразных личностных черт. В первую очередь, речь идет о том, что получило название *ressentiment*, то есть коренящееся в обостренном ощущении ущемленности и неостребованности честолюбиво-агрессивное, мстительно-реваншистское умонастроение. Эта черта, что и говорить, вещь крайне неспецифическая, в той или иной степени свойственная многим; вопрос весь в том, насколько она проявляется и реализуется, или, наоборот, игнорируется и подавляется. Так вот, у харизматического она должна быть выражена явно и интенсивно, хотя неясно, в какой степени ее следует культивировать, поощрять, да и возможно ли это вообще (поощрение тут будет носить характер провокационно-парадоксальный). Однако даже если мы не ставим вопрос так, а именно, чтобы поощрять и развивать, или, наоборот, препятствовать всему этому, главное, чтобы это свойство все же имелось в наличии. Тогда оно могло бы так повлиять на будущего возможного харизматического, чтобы он возжелал отместить и охаять все, чему его учили, и переиначить все «под себя».

Таким образом, по нашему убеждению, осваивая предмет, надо одновременно учиться его критиковать. Совсем не лишним было бы ввести в обучающие программы разделы по критике усваиваемого материала. Вряд ли следует ожидать, что такая постановка вопроса приведет в восторг кого бы то ни было. Однако мы исходим из того, что, говоря в данном контексте об «агрессивном», мы, конечно, имеем в виду мягкие интеллектуально-полемические формы проявления агрессии. К счастью, в войнах, которые школы ведут между собой, серьезных жертв до сегодняшнего дня не наблюдалось, так что творческую дискуссионную агрессию можно безбоязненно поощрять.

Период ученичества подводит нашего героя вплотную к следующему этапу – кристаллизации. Процесс кристаллизации идей в этом случае идет параллельно с личностной трансформацией, начинающейся с описанного И.Шиффером «призвания» – calling, то есть осознания своей миссии с последующим «сужением сознания» в паранойяльном ключе. Иначе говоря, рождающийся харизматический герой делает свой интеллектуальный и экзистенциальный выбор приблизительно одновременно, а, сделав его, почти всегда ограничивает свою деятельность и свой кругозор рамками выбранного.

Сама же кристаллизация – рождение как таковое, без труда может быть разделена на различные этапы. Метафорой, подходящей для описания этих этапов, может служить, например, классическое учение о стадиях развития бреда при эндогенных психозах. Так, выделяют «первичное бредовое настроение», характеризующееся наличием непонятных для человека подозрений и ожиданий, на смену которому приходит формирование некоего сюжета, согласно которому больному становятся понятны и обоснованы до того неясные переживания. Бредовой сюжет постоянно уточняется и развивается. Все больше и больше событий, явлений, людей вовлекаются в этот сюжет, то есть происходит генерализация бреда и так далее (см. например, *K.Jaspers*, 1973, s.82 ff.). В общих чертах приблизительно то же самое должно происходить при формировании идей, которые должны со временем овладеть (а в случае неудачи – не овладеть) большим количеством умов. Начинается все с неудовлетворенности, которая поначалу может быть неотчетливой, затем приобретает более ясные очертания, и, в конце концов, приводит к все возрастающей жажде перемен, каковые в хорошем случае энергично реализуются. Упоминавшуюся выше своеобразную (паранойяльную) ограниченность автора этих идей следует воспринимать как необходимое условие (неизбежное зло!), которое должно соблюдаться при этих идеесозидательных процессах. Легко предположить, что человек, который не относится исключительно ревностно к миру своих идей, вряд ли сможет рассчитывать на серьезное продвижение в интересующем нас направлении.

В случае же удачи начинает развиваться метод, обрастающий по ходу

дела адекватной ему теорией, а затем и группой последователей. Может быть и наоборот: вначале теория, потом техника. А там, глядишь, уже не за горами начало периода экспансии.

Для этого периода, равно как, впрочем, и для других важным является одна закономерность, уже обсуждавшаяся выше, которую мы могли бы обозначить как ***правило несменяемости идеологии и ритуала***. Правило это, нам кажется, можно было бы сформулировать приблизительно так: *если харизматический разворачивает свою деятельность в каком-нибудь одном, идеологическом и ритуальном пространстве, то ему следует раз провозглашенных им принципов и обрядов придерживаться всю жизнь*. В самом деле, если твоя концепция служит не просто научной теорией, а объектом борьбы, если ты на это дело подбил группу своих последователей, связал их с собой договорами писаными и неписаными, вовлек в основанное тобой какое-нибудь там общество, то «пересмотр взглядов» будет расценен не как исследовательская честность, а как предательство интересов дела. Когда мы говорили о том, что деятельность харизматического несет на себе «паранойяльные» черты, то имелось в виду отчасти и это. Он, бедный, очень скован в своем маневре и в любом случае становится заложником тех мифов и ритуалов, которые он сам на свою голову насочинял, а также тех, кого он соблазнил этими идеями, своих адептов, имевших несчастье во все это впутаться.

Понятно, что при этом и речи нет об идеологическом постоянстве, относящемся к ученическому периоду, который завершается к моменту кристаллизации. Собственно, первый и главный шаг заключается в том, чтобы порвать с определенной идеологией. Но та идеология, с которой происходит разрыв, – в сущности, изначально чуждая, навязанная извне в период ученичества, так что порвать с ней, предложив при этом что-то свое – дело вполне закономерное, даже благое. Но уж если ты заварил кашу, подбил на это дело народ, делать нечего, оставайся при своих идеях.

Широкое распространение метода приводит к относительному ослаблению интереса к нему. Школа, прошедшая период экспансии, вступает в пору инфляции.

В динамике развития харизматической личности этот этап совпадает с процессом обудничивания (*Veralltaeglichung*). Прделавшая успешное развитие психотерапевтическая школа бюрократизируется, обрастает издательскими и обучающими институтами, занимает прочное положение на рынке идей и техник, словом, происходит очень много такого, что делает харизму создателя либо вовсе ненужной, либо недостаточно востребованной. Харизматическое перерастает в легитимное, создаются законы, по которым проводится обучение и разрешается практиковать данный метод. Намечается длительность стандартного терапевтического курса, а также количество часов для обучающего тренинга и супервизии. Новаторское учение, как мы уже говорили, постепенно превращается в «просто метод», вокруг которого сооружаются рутинные иерархии.

Словом, делается все для того, чтобы со временем появился новый смельчак, испытывающий непреодолимое желание стукнуть молотком по всему этому зданию и уйти потом прочь от груды развалин с котомкой за плечами и посохом в руке искать своего счастья.

Если, однако, иметь в виду нынешний этап развития психотерапевтического дела, нетрудно заметить, что харизматический фактор претерпел серьезные изменения по сравнению с тем, что можно было наблюдать в начале века. В начале века психотерапий было намного меньше числом, чем теперь, и, к примеру, Фрейд, с которого, собственно, и пошел отсчет господства харизматических в психотерапии, находился в несравненно более выгодном положении, чем современные авторы. К сегодняшнему дню дело производства новых школ поставлено на исправно работающий конвейер. Период после второй мировой войны радует нас прямо-таки лавинообразным ростом числа новых «сект с учителем во главе».

В сущности, жизнь множества терапевтов складывается так, что они только ищут повода для того, чтобы отделиться от родительского учения и открыть собственное дело. По правде говоря, очень немного надо для того, чтобы испытать чувства, о которых писал Ф. Фарелли, создатель провокативной терапии, переживая рождение своего детища: «Я был просто заинтригован открывающимися возможностями моего нового подхода. Вечером дома я мерил комнату шагами и все время повторял Джун: «Теперь я знаю, что чувствовал Колумб, когда открыл Америку». Я сравнивал разные подходы к лечению клиентов и противопоставлял их, обдумывал, как начать новые беседы и сеансы. Я был уверен в победе. Она была сладка и превышала все заплаченные цены: слезы, потуги, рвоту, бессонницу, усталость и перерабатывание» (Ф. Фарелли, Д. Брандсма, 1996, с.42). Как мы видим, чувства, сопровождающие «школосозидающий оргазм» (назовем это так) очень сильные и радостные, а, главное, путь к ним несравненно более «внутренне простой и внешне легкий» (терминология Ф. Василюка), чем, скажем, во времена Фрейда. Он уже проторен, почти истоптан, и нам совершенно непонятно, что может удержать человека от того, чтобы по нему пойти.

Как бы то ни было, в психотерапевтическом мире стало больше лидеров, и при этом отдельные школы получили намного больше возможностей для распространения своих идей, чем это было в начале века или даже позже, но до наступления эры господства электронных средств массовой информации. Новые методы создаются в большем количестве, но при этом легко предположить, что влияние каждого из них не такое мощное, как в старые времена, когда их было не так много. Харизматический охват, быть может, стал шире благодаря развитию СМИ, но харизматический цикл по той же причине совершается, видимо, более стремительно. Путь от возникновения до рутинизации и обудничивания проходится намного легче. Широта охвата по сравнению с

упомянутыми временами возросла, видимо, только в абсолютном отношении, за счет большего распространения психотерапевтической информации вообще, роста нуждающихся в такого рода помощи и т.д. Однако, с ростом числа «охваченных» той или иной школой, то есть при хороших абсолютных «показателях», относительное влияние каждой из них, естественно, снижается пропорционально росту их общего количества. Здесь надо уточнить, что все разговоры об охвате, о «величине», количестве носят, конечно же, очень общий, приблизительный и гипотетический характер.

В один и тот же исторический период разные школы находятся на разных этапах своего развития. Старый добрый психоанализ соседствует с относительно юным нейролингвистическим программированием, зрелая клиент-центрированная терапия – с одряхлевшим классическим гипнозом. Безусловное преимущество новых школ – их естественная новизна, а также то, что их создатели живы и посредством своей – первичной – харизмы способствуют развитию и распространению своего учения. Как уже говорилось, малая первичная (своя) харизма лучше, чем большая вторичная, унаследованная от отца-основателя и прошедшая, как это часто бывает, через множество рук. Поскольку видимость особых свойств терапевта всегда будет пользоваться спросом у пациентов, мы считаем, что паника по поводу «перепроизводства» школ в психотерапии (см., например, *Omer & London, 1986*) связана с неправильным пониманием сущности и роли, которую играют школы, теории и т.д. в жизни психотерапевтического сообщества. Правильный подход к этому вопросу, т.е. с точки зрения интересов вовсе не пациента (ему-то какое дело до всего этого!), но именно терапевта, предполагает как раз обоснованное недовольство по поводу серьезной нехватки методов, школ и т.д.

Ответственное отношение к сегодняшней психотерапевтической ситуации заставляет нас искать разумный и верный ответ на важнейший вызов, существующий в сегодняшнем психотерапевтическом сообществе. Надо ясно и твердо признать, что это вовсе не вызов избытка, множественности школ, а наоборот, как мы уже не раз говорили, их недостатка. Демократическая постановка вопроса подразумевала бы здесь признание и реализацию права каждого терапевта на собственную школу и собственную харизму. Выбирая такой именно вызов (т.е. реальные обстоятельства, которые мы расцениваем как вызывающие) и формулируя именно такой ответ на него, мы понимаем, что это только часть дела. Практическое осуществление идей, обсуждавшихся в этой статье, могло бы вылиться в специальные тренинговые программы, направленные на формирование или «разогревание» харизмы.

Ну и в конце необходимо уточнить, что мы вовсе не имели в виду противопоставлять харизму реальным профессиональным навыкам, равно как и теоретической деятельности. Ясно, что все это дополняет друг друга, а в хороших случаях даже усиливает. Надо только отдавать себе отчет в

том, что речь идет о разных вещах, И уделять внимание всему в должной мере.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер А. *Практика и теория индивидуальной психологии: Пер. с нем.* – М.; 1995.
- Ашин Г.К. *Современные теории элиты.* – М.: Политиздат, 1985.
- Блум Г. *Психоаналитические теории личности: Пер. с англ.* – М.: КСП, 1996.
- Вебер М. *Харизматическое господство // Социологические исследования, 1988, № 5, с.139-147.*
- Виттельс Ф. *Фрейд. Его личность, учение и школа. А.: Эго, 1991.*
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. *История и рациональность: Социология М.Вебера и веберовский ренессанс.* – М.: Политиздат, 1991.
- Ганнушкин П.Б. *Клиника психопатий.* – М.: Север, 1933.
- Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли.* – Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- Джонс Э. *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. Пер. с англ.* – М.: Гуманитарий, 1996.
- Кречмер Э. *Строение тела и характер. Пер. с нем.* – М.: Педагогика-Пресс, 1995.
- Тарле Е.К. *Наполеон.* – М. Наука, 1991.
- Тойнби А.Дж. *Постижение истории: Пер. с англ.* – М.: Прогресс, 1991.
- Фарелли Ф., Брандсма Дж. *Провокационная терапия: Пер. с англ.* – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996.
- Цвейг С. *Врачевание и психика. Месмер. Беккер-Эдди. Фрейд: Пер. с нем.* – М.: Политиздат, 1992.
- Якоби М. *Встреча с аналитиком: Пер. с англ.* – М.: Институт общегуманитарных исследований. – 1996.
- Ferenczi S. *Contributions to Psychoanalysis.* Badger, Boston, 1916.
- Jaspers K. *Allgemeine Psychopathologie, 9 Aufl., Springer, 1973.*
- Jung C.G. *Errinerungen, Traeume, Gedanken. Walter-Verlag, Olten, 1982.*
- Kohut H. *The Restoration of the Self. International Universities Press, New York, 1977.*
- Omer H. & London P. *Metamorphosis in psychotherapy: tnd of the systems era. Psychotherapy, vol.25/Summer 1988, № 2, p.171-180.*
- Schiffer I. *Charisma. University of Toronto Press, 1973.*